

спрашиваем— отвечают...

НО БЕРЕГУ Байкала на
лихом скакуне, словно
ветер, несется молодой
джигит. Это юноша
спешит к своей воз-
любленной:

У меня в упряжке — ширь степная,
Вожжи — из лучей
Яркой радугой-дугой
С бубенцами жаворонков
Я скачу к тебе...

Нетерпелив и взволнован джигит. Ждет ли его любимая? Вот она идет к нему навстречу...

«На берегу Байкала» — так называет этот танец народный артист Бурятской АССР Цыден Бадмаев. Легки и выразительны движения танцора, передающие радость встречи и красоту возлюбленной, счастье любви и горечь разлуки...

— Цыден-Еши, когда вы начали танцевать?

— С детства. Помню, всегда хотелось все свои переживания — будь то радость или беда — выразить в движении, в ритме. Очень любил смотреть, как танцуют взрослые. Есть у бурят поговорка: в степи — каждый певец. Это очень точно. Но ведь не только певец. Чаще всего народный исполнитель был одновременно поэтом и музыкантом, композитором и певцом, сказителем и танцором. Народ называл их улигершинами. Кстати, именно эта древняя традиция заметно повлияла на нынешнее профессиональное искусство Бурятии — и драматическое, и музыкальное.

— Вы ведь стояли у истоков современного бурятского балета?

— Во всяком случае, я танцевал в первом бурятском балетном спектакле. Было это в 1943 году. В нашем Бурятском театре оперы и балета поставили «Бахчисарайский фонтан» Б. Асафьева, в котором я исполнил партию Вацлава. В театр же я пришел раньше, еще в 1939-м, семнадцатилетним мальчишкой, и о классическом танце знал очень мало. Трудно, конечно, в таком возрасте начинать учиться, но у меня были прекрасные педагоги — Татьяна Константиновна Глязер и Михаил Сергеевич Арсеньев (он, кстати, и поставил «Бахчисарайский фонтан»). Суровое было время, шла война, и, наверное, поэтому мне больше запомнились не балетные партии, а поездки с концертной бригадой на Белорусский фронт. Где мы только не выступали! В полуразрушенных домах, на сколоченных наспех подмостках, а то и прямо у окопов. Я очень переживал тогда, что не нахожусь среди моих зрителей, не сражаюсь рядом с ними. Мне казалось мое искусство ненужным, но солдаты, аплодирующие нам в коротких промежутках между боями, убедили меня в обратном. Много лет прошло, но до сих пор помню их лица, вижу их глаза.

— Цыден-Еши, беседуя с вами, невольно ловлю себя на том, что то и дело употребляю слово «первый»: первый бурятский балет, первый бурятский танцовщик. Но вы ведь были также первым бурятским артистом балета, получившим образование в Москве?

— Да, в 1952 году я окончил хореографическое училище Большого театра, где для меня и моей партнерши Ларисы Сахьяновой открыли специальный танцевальный класс. Каждый раз, когда я рассказываю об этом, вспоминаю свою семью, отца и мать, их тяжелую крестьянскую работу, унаследованную от дедов и прадедов. Могли ли они хотя бы мечтать, что для их сына, простого бурятского юноши, в Моск-